

Колесипед шестого сброа

Марина Ясинская

— Айра, у тебя опять шнурок развязался! Разве ты не помнишь, какой узел я тебе показывал?

— Помню, — ответила девочка эмм четырех, потуже затягивая шнуровку короткого плаща. — Сделать две петли, перекрестить и просунуть их в дырку в середине.

— Правильно. Так получится крепче и надежнее. — Мужчина присел перед девочкой на корточки, подергал получившийся узел. Перевел взгляд на ее лицо, заглянул в зеленые, с янтарными ободками глаза (его глаза) и одобрительно кивнул. Пружинисто поднялся на ноги. — А теперь постой в сторонке, пока я тут закончу.

Айра чуть поморщилась и почти неслышно выдохнула:

— Там так много крови!..

Мужчина, однако, услышал. И спокойно отозвался:

— Это хорошо, что много. Мы ее тщательно прокипятим; кровь — хороший источник энергии и соли.

Девочка отошла в сторону, искоса наблюдая за тем, как мужчина направился к туше олехи, подвешенной на крепком суку дерева.

Высокий и мрачный, он вытащил тяжелый нож и задержал на нем взгляд; чистое и гладкое лезвие отливало синевой. Перехватил рукоять поудобнее, недовольно пробормотал что-то себе под нос и рассек кожу олехи по животу и до самого горла. Взялся за края шкуры и резко дернул.

Шкура не подавалась.

— И какие дураки говорили, что она снимается как перчатка? — зло процедил он сквозь зубы, продолжая дергать.

Рывок. Еще один. И еще.

Наконец меховая шкура снялась.

Когда мужчина вспорол брюшину и стал вынимать внутренности, Айра отвернулась.

— У нас же есть консервы, — жалобно протянула она. — Зачем убивать олеху, она ведь такая красивая.

Не оборачиваясь, мужчина произнес:

— Потому что через несколько дней консервы могут нам понадобиться куда сильнее, чем сегодня.

Мясо олехи, запеченное в углях, оказалось вполне съедобным. По крайней мере, та часть, которая не подгорела, о чем сидевшая у костра Айра не преминула сообщить.

Услышав эту мягкую критику, мужчина усмехнулся:

— Всё равно сейчас у меня получается куда лучше, чем поначалу.

ФАНТАСТИКА

Айра кивнула. Когда они только ушли в лес, готовить на костре получалось с трудом.

Как и разводить костер.

Как и добывать что-либо, чтобы сготовить на нем...

Они снова ночевали на вершине холма. Отсюда открывался вид на долину, на блестящую полосу реки. И на город. Сейчас, когда почти все пожары уже отгорели, тот казался почти таким же, каким был до последнего Нового эмма.

Почти.

Потому что, если присмотреться, даже отсюда было видно, что на месте стеклянных витрин в просторных зданиях продажного квартала зияют черные провалы. Что рельсовки стоят без дела, вместо того чтобы катить по улицам, перевозя людей. Что огромные двери главной городской молельни снесены с петель. Что всегда ярко освещенная газовыми светляками площадь с памятником первым поселенцам шестого сброа сейчас погружена в темноту. И конечно, небо — совершенно пустое небо, без единого воздушного шара.

А мрачнее всего выглядели высокие, до пяти слоев, ночевальники на окраинах города. Темные, безжизненные, с заколоченными деревянными досками окнами...

— Пап, — нерешительно позвала девочка, с тоской глядя на четырехслойный ночевальник у самой реки, где она провела почти всю свою жизнь, — а мы точно не можем вернуться домой?

Мужчина не ответил, и Айра продолжила, словно пытаясь уговорить:

— Пожаров уже давно нет. Кажется, все успокоилось, никто больше не убивает.

Мужчина молчал. Девочка вздохнула:

— Значит, домой мы не вернемся?

В тоненьком голосе прозвучало столько тоски, что мужчина вздрогнул и перевел взгляд на дочь. Ему приходилось разрушать ее детство, самому, своими собственными руками, и он ненавидел это. Но выбора не было.

— Может быть, когда-нибудь. Но не сегодня...

Спускаться с холма было куда веселее, чем подниматься.

Темно-зеленый игольчатый лес казался застывшим, словно стеклянным, — ни шевеления, ни звука. Ни жизни.

— Пап, а почему самый густой мох растет на деревьях со стороны норда?

— Потому что с той стороны на него попадает меньше света. Мох не любит солнце.

Девочка попыталась подстроиться под широкие шаги отца. Но не получалось — через каждые пять-шесть шагов приходилось бегом нагонять.

— А почему тогда в городе мох не рос на стенах ночевальников со стороны норда? Да он вообще не рос!

— Потому что мох любит расти среди деревьев, среди зданий ему плохо.

— Да? А мне вот среди зданий, наоборот, хорошо. А в лесу мне не нравится. Помнишь, ты мне говорил, что я привыкну, говорил, когда мы уходили из города? С той поры уже вон сколько времени прошло, почти три цеса, а я все не привыкла.

— Я тоже, — едва слышно произнес мужчина себе под нос.

— Пап, — позвала девочка, не услышав ответа, — я вообще не хочу привыкать. В городе было лучше.

— Было, — мрачно отозвался он. — Пока люди не начали сходить с ума. Ты же помнишь, что там творилось? А сейчас, когда осталось всего шесть дней, туда вообще подходить опасно.

— Пап, а если через шесть дней ничего не закончится, тогда нам можно будет вернуться?

— Сначала надо эти шесть дней пережить, — последовал ответ.

Он не сразу понял, что девочка за ним больше не идет. Остановился. Оглянулся.

Айра стояла шагах в двадцати от него, опустив голову. Она плакала.

Мужчина подошел к ней, присел на корточки.

— Перестань. Ну же, Айра, перестань, ты давно не маленькая. Тебе почти четыре эмма, ты уже совсем взрослая. А взрослые не плачут.

— Не хочу быть взрослой, — всхлипнула девочка.

— Ничего не поделаешь, — вздохнул он, обнимая дочку и гладя ее по голове.

— Хочу домой! Хочу опять ходить в школу! — шмыгала носом та, уткнувшись носом ему в плечо.

Голос мужчины звучал успокаивающе. Но только голос — не слова, которые он говорил:

— Ты же знаешь, что школы давно закрылись.

— Хочу играть с ребятами на улице!

— Они все давно ушли из города, как и мы. А те, кто остались, спрятались.

— Хочу кататься на колесипеде! На том, который ты мне на день рождения подарил!

— В лесу на колесипеде не очень-то покатаешься.

— Так не честно! Я не хочу, чтобы... чтобы все кончалось!

— Никто не хочет.

— Пап, — девочка чуть отстранилась и с надеждой уставилась на отца, — пап, а вдруг в этот раз ничего не будет? Ну, вдруг мы просто побоимся — и всё?

— Мне бы тоже этого очень хотелось, — тихо признался мужчина. — Но ты же помнишь, что я тебе говорил? Что рассказывал на последний Новый эмм?

Девочка кивнула. Она помнила и рассказ отца. Почти слово в слово.

В ночь на прошлый Новый эмм они с отцом ушли из города на холм. Айре очень хотелось посмотреть на стрельбу цветным порохом и запустить свой собствен-

ный воздушный шар со свечой внутри. Но отец каким-то незнакомым, «взрослым» голосом сказал ей тогда:

— Не в этот раз.

— Почему?

— Потому что наступает девяносто девятый эмм. И, боюсь, многие начнут по этому поводу сходить с ума.

— Сходить с ума?

— Безумствовать. Бить. Грабить. Жечь. Разрушать. Убивать.

— Почему?

— Потому что им страшно.

Айра не успела спросить, почему им страшно: с вершины холма она увидела, как, словно яркие цветы, сразу в нескольких местах в городе вспыхнули пожары.

Отец оказался прав.

С того дня они проводили все меньше и меньше времени дома, пока около трех цесов назад совсем не покинули его и стали обитать в лесах в округе. Обычная, размеренная жизнь города навсегда прекратилась. По ночам с улиц раздавались звон бьющегося стекла, грубая ругань, громкие крики, а нередко — и выстрелы из ружей. Днем заколоченные деревянными досками окна ночевальников слепо пялились на пустынные улицы; люди передвигались перебежками и воровато ташили из магазинов то, что оставалось после ночных погромов.

В цесе — сто дней, в эмме — десять цесов, тысяча дней. Так говорили Айре в школе. Но никто из учителей не рассказывал, что в мире, в котором они живут, — всего сто эммов. Сто тысяч дней. И когда они истекают, наступает Сброс. Айра узнала об этом от отца в ночь на девяносто девятый эмм, когда он увел ее из города на холм, подальше от людей, которых начало последнего эмма превратило в толпу безумцев.

— И что случится? — со страхом спросила Айра тогда, глядя вниз на город. — Мы все умрем?

Девочка привыкла, что отец утешал ее, успокаивал, и страхи исчезали. Но не той ночью. Той ночью он навсегда перешел на «взрослый» голос. И слова говорил тоже взрослые. Жесткие. Страшные.

— Да, скорее всего, умрем.

— А потом?

— А потом — ничего. По крайней мере, не для нас. А для города всё начнется заново.

— Как это — заново?

— Там снова появятся люди.

— То есть умрут не все?

— Не знаю... Скорее всего, это будут совсем новые люди, которых раньше здесь никогда не было.

— А откуда они появятся?

— Этого никто не знает, Айра.

— Если никто не знает, то откуда же ты знаешь?

— Историки. Они исследовали старые здания, древние записи и выяснили, что Сброс случался уже как минимум пять раз. Мы — шестые... Помнишь памятник на площади? Памятник первым поселенцам шестого сброса? Это памятник нашим с тобой предкам, которые появились в городе девяносто девять тысяч дней назад.

— Но почему через сто эммов всё кончается?

— Этого, дочка, мы не знаем.

— А как... — голос девочки дрогнул, — а как мы умрем?

веточки в костер. — Например, водопроход. Он уже был, его построили люди предыдущего сброса, но мы научились им пользоваться только несколько эммов спустя.

— А про что-то так и не догадались?

— Да, про что-то так и не догадались.

— Наверное, им сложно будет. Ну, тем, кто придет после нас. Вот появятся они и увидят газовые светляки на улице. Только они ведь будут погасшие. Сколько пройдет времени, прежде чем люди догадаются, для чего эти столбы? А если поймут, что это для освещения, то когда еще сообразят, как их зажигать? Я вот, например, знаю, что их зажигать надо, — но ведь не умею. Или вот зайдет кто-то в наш ночевальник и увидит там мой колесипед. — Голос девочки дрогнул. — Пап, а колесипед нам тоже достался от... ну, от тех, кто был до нас?

— Нет, его придумали мы. Примерно эмм сорок назад. Так что колесипед — это изобретение нашего шестого сброса.

— Ну вот, — продолжила девочка, помолчав, — может, они так и не догадаются, что его можно оседлать. И как на нем кататься. И будет он себе лежать, совсем один, цес за цесом, эмм за эммом...

От образа любимого синего колесипеда, одинокого, пыльного, всеми позабытого и никому не нужного, на глаза навернулись слезы, и Айра тихо всхлипнула.

Мужчина обнял дочку за плечи и молча прижал к себе. Расстроенная, она не заметила, что руки отца дрожали.

Казалось, ни одна ночь еще не была такой тихой, как эта — последняя. Казалось, весь мир вокруг замер, обреченно ожидая Сброса.

Айра с трудом переносила тягостное безмолвие. И, не отрываясь, следила за тем, как медленно ночное солнце движется по небу. Когда оно достигнет пика, тогда... Да, знать бы, что тогда. Знать бы, что тогда, — и можно попытаться спрятаться. А так...

— Мне страшно, — прошептала девочка в тишину.

И вздрогнула, когда отец взял ее за руку.

И снова наступила тишина, только поленья тихо потрескивали в огне да тихо пыхали, погасая в прохладном воздухе, взлетающие над костром искры. И большая рука отца так и не отпускала ее ладошку.

— Пап, а ты веришь, что это случайно? Сто эмм?

Он не торопился отвечать.

Айра, не в силах слушать тишину и отсчитывать утекающие мгновения, каждое из которых вело к Сбросу, продолжила сама:

— А я не верю. Не может это быть просто совпадением, не может так случайно всё заканчиваться ровно через сто эмм. Да еще и пять раз подряд. Но если это не случайность, тогда кто делает это с нами? И зачем?

— Не знаю.

— Но почему за сто эмм никто так и не нашел ответа?

— Ну уж точно не потому, что не пытались, — вздохнул отец. — Версий существует много. Только знать бы, какая из них правильная.

— А в какую версию веришь ты? Думаешь, это боги? Те, о которых рассказывали по утрам в молельне? Если это они, то, наверное, зря мы им столько молились, раз они всё равно нас убивают. Потому что тогда это уже

не боги, а какие-то чудовища! — воскликнула девочка.

— Или люди, — обронил он.

— Люди? Какие люди?

— Люди. Как мы. Только из другого мира. Умнее нас. А мы для них — ну, как кукольные коробки, с которыми ты играла.

— Я не ломала свои куклы каждый эмм, — тихо возразила девочка.

— Люди бывают разные.

— Это та версия, в которую ты веришь, да, пап? А что еще?

Мужчина подбросил в костер несколько веток и задумчиво проследил за взметнувшимися в воздух искрами. Потом тихо начал:

— Представь себе, что мир этих людей в прошлом тоже уже несколько раз заканчивался. У нас было пять массовых вспышек, а у них... ну, не знаю... пять массовых заморозок, что ли. Только не раз в сто эмм, а, положим, раз в сто тысяч эмм. Или даже больше.

Айра слушала, затаив дыхание. Отец уже давно не делился своими мыслями. Почему же именно сейчас? «Ему тоже страшно», — вдруг догадалась она. И стиснула ладошкой его жесткую руку. Затем продолжила — за него:

— И они, как и мы, не знают, кто делает это с ними и почему? И тоже боятся конца, да?

— Да, — подтвердил он, глядя на ночное солнце, а казалось, сквозь него, словно хотел где-то там, на небе, разглядеть этих самых людей. — И тогда они придумали нас. И решили сделать с нами то же самое, что кто-то делает с ними.

— Зачем? — тихо спросила Айра, замороженная мыслью о людях, так похожих на них, только гораздо сильнее, умнее и мудрее. Мыслью об их городе. Или даже о многих городах, где ночевальники не по пять слоев, а... а по сто! Такие высокие, что крышами задевают за небо. Рельсовки, которые катятся по дорогам без рельс. Уличные светляки, загорающиеся сами собой. А еще эти люди, наверное, умеют летать...

— Зачем? — повторил отец и неожиданно прижал девочку к себе, словно стараясь оградить от неведомой опасности. — Чтобы понаблюдать за нами. Посмотреть, не придумаем ли мы чего-нибудь, чтобы спастись. Что-нибудь такое, чего они не смогли придумать сами, понимаешь?

В руках отца было спокойно. Так спокойно, что уже не было дела до ночного солнца, подходящего к своему пику.

— И вот они смотрят на нас и ждут, что же придумаем мы, чтобы спастись. И если у нас однажды получится, то они попробуют сделать то же самое, когда подойдут к концу своих ста тысяч эмм.

— Пап, ты правда думаешь, что это на самом деле кто-то с нами специально делает? Какие-то другие люди? Из другого мира?

— Не знаю, Айра. Это всего лишь версия. Одна из нескольких... Начнем копать... Ты уроки уже сделала?

— Уроки? — Айра отпрянула от отца, обеспокоенно заглядывая ему в глаза.

— Два стакана воздуха, — пробормотал он, глядя мимо девочки.

— Папа, что с тобой?
— Да, поиграй, только возвращайся до заката, хорошо?

— Папа! — закричала Айра, вскакивая на ноги и тряся отца за плечи. — Папа, ты меня слышишь?

— Свет! — вдруг закричал он и закрыл глаза руками. Как больно!

Какой свет? Айра испуганно огляделась. Их окружала темнота безмолвного леса. Единственный свет, слабый и серебристый, шел от бледного ночного солнца.

Девочка вскрикнула, увидев, что оно достигло своего пика.

— Уберите! — снова закричал отец. — Уберите этот свет! Слишком яркий! Уберите!

Он еще долго кричал в темноте ночного леса. А потом затих и не слышал, как Айра плакала над ним до самого утра.

— Вот так. Делаешь две петли, перекрещиваешь, а потом просовываешь их в дырку посередине. Так получается и крепко, и надежно. Я тебе вчера показывала, помнишь?

Высокий мужчина с заросшим темной щетиной лицом и зелеными, с янтарным ободком глазами рассеянно смотрел на то, как девочка эмм четырех завязывает ему шнурки на плаще.

— Помнишь? — настойчиво повторила девочка.

Мужчина наморщил лоб, потом прикрыл глаза и прижал пальцы к вискам, пытаясь сосредоточиться. Однако несколько мгновений спустя зажмурился, закрыл глаза руками, словно защищаясь от болезненно яркой вспышки света, и захныкал:

— Больно!

Девочка тяжело вздохнула. Каждая попытка мужчины что-то вспомнить или запомнить теперь кончалась только так.

— Всё хорошо, — сказала она и подтолкнула его к ручью. — Умойся, тебе станет легче.

Мужчина нехотя наклонился, зачерпнул воды и тут же встряхнул руками:

— Холодная! — А потом засмеялся, следя за тем, как водяные брызги засверкали в воздухе.

— Я знаю. Но умыться надо! — твердо проговорила девочка и вдруг насторожилась, услышав чьи-то голоса.

Несколько мгновений спустя на противоположном берегу показалось двое — маленький мальчик эмм двух и женщина, которую он вел за собой, держа за руку.

Увидев Айру, мальчик испуганно застыл. Потом перевел взгляд на мужчину, радостно хлопающего рукой по воде, и тяжело вздохнул.

— Вот здесь можно ловить рыбу, — устало сказал он женщине.

— Рыбу... Ловить...

— Удочкой. Как вчера, помнишь?

Женщина закрыла глаза и замотала головой, всхлипывая:

— Нет! Не помню! Не помню!

Мальчик опять вздохнул:

— Ладно, пойдём, мам.

Они медленно направились вверх по ручью, и Айра еще долго провожала их пристальным взглядом. Потом

ФАНТАСТИКА

повернулась к мужчине.

— Пошли, проверим ловушки, — позвала его. — Консервов у нас не осталось, а поесть нам надо. Так что будем надеяться, кто-нибудь попался. И что у меня получится развести костер, — закончила тихо.

Мужчина послушно зашагал за ней. Затем вдруг остановился, разглядев что-то среди деревьев.

— Что там? — спросил он.

Айра проследила за его взглядом. Сквозь стволы деревьев открывался вид на долину и на тихий, безжизненный город.

— Там наш дом, — ответила она.

— Дом? А что это такое?

— Это такое место, где... где ночуешь каждый день. —

Девочка подбирала слова медленно, словно с трудом вспоминая о доме. — Там тепло и сухо. Стол, за которым можно есть. Кровать, чтобы спать. Много одежды... Кухня — ну, такая комната с очагом, где готовишь еду. Книги — там записаны разные интересные вещи... И колесипед...

— Колесипед?

— Да, колесипед, — мечтательно подтвердила девочка и улыбнулась, словно вспомнила о чем-то приятном. — Изобретение прошлого, шестого сброса. — Она встряхнула головой и посмотрела на мужчину. — В общем, дом — это где тебе всегда хорошо и спокойно, понимаешь, пап? Безопасно.

— Дом... — задумчиво произнес он. — А почему мы там не живем?

— Нам пришлось уйти, когда... когда в городе появились чудовища.

— Чудовища? Какие чудовища? — испуганно спросил мужчина, хватаясь за руку девочки.

— Такие, которые получаются из людей. — Она почему-то грустно усмехнулась.

— А мы когда-нибудь вернемся домой?

В голосе мужчины было столько надежды, что девочка на миг зажмурилась, глотая непрошеные слезы. Она ненавидела себя за то, что приходится его разочаровывать. Но выбора не было.

— Может быть, когда-нибудь. Но не сегодня.

